

На правах рукописи

Савина Анна Александровна

**ПАРТИТУРНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале английского регионального
романа 19-20 вв.)**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород - 2016

Работа выполнена на кафедре английской филологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
ОТРОШКО Лариса Михайловна
профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ШУСТРОВА Елизавета Владимировна
профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

кандидат филологических наук, доцент
СКРЕБНЕВА Тамара Григорьевна
доцент кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Защита диссертации состоится «19» октября 2016 г. в 13.30 на заседании диссертационного совета Д 212.163.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, III корпус, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной литературы библиотеки ФГБОУ ВО «НГЛУ им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, III корпус, ауд. 3503.

Автореферат размещен на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru>

Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «НГЛУ им. Н.А. Добролюбова»: <http://www.lunn.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.Н. Аверкина

Общая характеристика диссертации

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению текстовой категории партитурности и особенностей ее реализации в англоязычном художественном тексте.

Предпринятый анализ существующих категориальных моделей текста показывает, что единая номенклатура текстовых категорий еще не очерчена. До сих пор ведутся дискуссии как о принципах выделения категорий этого уровня лингвистического анализа языковой действительности, так и об их реализации в различных типах текстов. Это обусловлено различиями в теоретических подходах к проблеме выделения основных конститутивных свойств текста. В отдельных работах отечественных лингвистов отмечено стремление к обособлению экстралингвистических категорий текста (О.Н. Копытов). Русскоязычная терминология до сих пор не унифицирована (Ср. адресативность у В.И. Карасика, адресованность в работах О.П. Воробьевой, адресатность - Е.С. Кубряковой; интеграцию - И.Р. Гальперина и интегративность - Л.Г. Бабенко, цельность/целостность текста - Л.Г. Бабенко). Партитурность как структурная текстовая категория, участвующая в текстообразовании, неоднократно подвергалась исследованию. В работах В.Ф. Гварджаладзе, А.Д. Прянишниковой уделяется внимание языковому инвентарю средств выражения партитурности в английских художественных текстах. Однако до сих пор не предпринималось попыток системно представить партитурность в ее взаимодействии с другими текстовыми категориями.

В ряде работ последних лет прослеживается тенденция к употреблению понятия «партитурность художественного текста» в узком смысле, как совокупности визуально-графических приемов, способных выражать интонацию, имитировать момент усиления эмоций и увеличения силы голоса (Т.В. Семьян, 2006; А.Ф. Бадаев, 2005). Подобная трактовка, применимая для характеристики поэтической графики, не раскрывает всей лингвистической сущности и функционала текстовой категории партитурности. Вышеперечисленные обстоятельства объясняют выбор темы и актуальность реферируемой работы.

Актуальность исследования определяется:

- 1) комплексным междисциплинарным подходом к изучению феномена партитурности англоязычного художественного текста;
- 2) необходимостью углублённой трактовки лингвистической природы категории партитурности и ее взаимоотношений с другими текстовыми категориями, в частности, на базе английской художественной прозы;
- 3) фрагментарностью теоретических сведений о феномене партитурности и способах ее выражения в англоязычном художественном тексте;
- 4) необходимостью уточнения полифонического потенциала диалектизмов в региональном романе.

В качестве **объекта данного исследования** выбран художественный текст на примере его манифестации в английском региональном романе конца 19-го – начала 20-го столетия.

Художественный текст (ХТ) как особый вид коммуникативной деятельности человека имеет свою специфику. В работах последних лет,

посвященных изучению структуры и семантики художественного текста, наблюдается тенденция к сближению традиционной лингвистики и нарратологии (Успенский 2000, Тюпа 2001, Грицай 2011, Шмид 2003, Стырина 2004, Падучева 1996, 2010, и др.). Это сопряжено с тем, что лингвистика текста и лингвостилистика ощущают потребность комплексного рассмотрения текста и в связи с этим обращаются к традиционно нарратологическим понятиям – повествованию, описанию, точке зрения, перспективе повествования.

Предметом изучения является партитурность как текстообразующая категория художественного текста.

Целью работы является построение модели категории партитурности на примере английского регионального художественного текста.

Для достижения этой цели необходимо решить **следующие задачи**:

- уточнить содержание понятий «точка зрения» и «голос», установить соотношение явления полифонии и категории партитурности;
- установить специфику плана содержания и плана выражения категории партитурности художественного текста на базе английского регионального романа;
- выявить характер взаимоотношения партий различных субъектов речи в художественном повествовании.

Поставленные задачи решаются с помощью следующих **методов исследования**:

- *общие теоретико-эмпирические методы*: гипотетико-дедуктивный, сопоставительный, метод классификации, позволяющий систематизировать результаты проведенного анализа.
- *частные методы лингвистического анализа*: контекстуальный и трансформационный анализы, функционально-семантический анализ, элементы компонентного анализа семантической структуры слова, супралинейарный стилистико-текстовый анализ. На отдельных этапах работы применялся синхронно-диахронический анализ языковых единиц.

Материалом для исследования послужили романы Т. Гарди и А. Беннета, общим объемом около 5000 страниц. Т. Гарди и А. Беннет известны в лингво-литературоведческой традиции как английские региональные писатели рубежа 19-20 веков. Региональный роман, действие в котором четко локализовано по месту и времени, на протяжении полутора столетий является одним из самых востребованных направлений в европейской и американской художественной прозе. Выбор материала для исследования обусловлен использованием указанными авторами значительного объема социально- и территориально-маркированных элементов с целью характеристики персонажей. Представляется продуктивным на материале текста данного типа оценить потенциал диалектизмов как единиц, участвующих в реализации категории партитурности текста.

Методологической и теоретической основой исследования послужили работы отечественных авторов, посвященные вопросам лингвистики текста (И.Р. Гальперин 1977, 1981, Е.С. Кубрякова 2001, Н.С. Валгина 2004, Л.Г. Бабенко 2009), полифонии и партитурному строению предложения (В.Г. Адмони 1961, 1973, 1994, 1981, М.М. Бахтин 1975, 1977, Е.И. Шендельс 1980, 1981, В.Ф. Гварджаладзе 1983,

С.В. Амвросова 1984, 1988, Л.А. Ноздрина 1994, 2004, Б.А. Успенский 1995, 2000, О.И. Валентинова 2005), семиотике нарратива (В.И. Тюпа 2001, Е.В. Падучева 1996, 2010) и зарубежных нарратологов и лингвистов, изучавших вопросы субъективной экспрессивности художественного текста (А. Banfield 1982, 2001, Ж. Женетт 1998, А.К. Sceman 2001, В. Шмид 2003, М. Jahn 2005, М. Fludernik 2005, К. Snell 2008, J. Barrell 2008).

Научная новизна работы заключается в применении комплексного подхода к лингвистическому анализу разноуровневых средств выражения категории партитурности в соответствии с наметившейся в современной лингвистике тенденцией к полипарадигмальности исследований. Партитурность представлена как самостоятельная функционально-семантическая категория. Исходя из установленной на базе английского регионального романа тесной взаимосвязи партитурности с другими текстовыми категориями, построена модель текстовой категории партитурности. В работе проводится синхронно-диахронический анализ диалектальных вкраплений с целью уточнения их полифонического потенциала и особенностей функционирования в различных композиционно-речевых структурах.

В основе диссертационного исследования лежит **рабочая гипотеза**, согласно которой партитурность следует рассматривать как наиболее крупную функционально-семантическую текстообразующую категорию, базирующуюся в рамках ХТ на оппозиции точек зрения субъектов речи и/или восприятия «монофония vs полифония», и непосредственно связанную с категорией цельности текста, а также с другими текстовыми категориями.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Партитурность представляет собой функционально-семантическую категорию текста, основанную на оппозиции точек зрения субъектов речи и/или восприятия «монофония vs полифония». Сплетение различных точек зрения имеет место в художественном произведении без расщепления его на отдельные части, с сохранением повествования как единого целого. В отношении художественного текста можно констатировать наличие качественного и количественного взаимодействия голосов различных субъектов речи и/или восприятия. К типам качественного соотношения голосов следует отнести контрастные, комплементарные и имитационные отношения партий персонажей и повествователя.

2) Средствами выражения категории партитурности в англоязычном художественном тексте служат языковые единицы разного уровня. Фонетические сигналы партии персонажа представлены в тексте английского регионального романа зафиксированными на письме с помощью графонов особенностями персонажного диалектного произношения. Сигналами смены голоса выступают также модально-оценочные слова, эпитеты, употребление определенного артикля, анафорический повтор местоимений. Использование восклицательных и вопросительных предложений в несобственно-прямой речи, сменяющих констатирующие повествовательные предложения, призвано маркировать партию персонажа. Характерный грамматический прием смены

перспективы повествования – чередование наклонений. Совокупность установленных в художественном тексте субъективно-модальных значений дает возможность его прочтения по партитуре.

3) В региональном тексте к вышеперечисленным средствам выражения партитурности следует также добавить использование диалектизмов для введения партии персонажа. Расширяя влияние зоны героя на окружающий повествовательный контекст, диалектные единицы способствуют установлению семантической соотнесённости между разными типами композиционного членения текста и обеспечивают целостность художественного текста. В региональном романе, наряду с этнографической функцией, диалектизмы выполняют композиционную функцию, которую можно рассматривать как частный случай текстообразующей функции категории партитурности.

4) Применительно к тексту английского регионального романа характер взаимодействия различных категорий, представленных в виде функционально-семантических полей, возможно описать, опираясь на принцип включенности: инкорпорируя другие текстовые категории и составляя с ними единство в рамках текста, партитурность являет собой наиболее крупную категорию. Установленная иерархия текстовых категорий позволяет построить вертикальную модель англоязычного художественного текста.

Теоретическая ценность работы. Многоаспектный анализ, проведённый в исследовании, позволил установить текстообразующую роль категории партитурности, обнаружить ее корреляцию с другими текстовыми категориями, построить на базе английского регионального романа модель категории партитурности, выявить и систематизировать специфические, характерные только для регионального художественного текста, средства актуализации категориального значения партитурности.

Практическая ценность проведенного исследования заключается в релевантности его результатов для учебных курсов по теоретической грамматике и стилистике английского языка, дисциплин по выбору, охватывающих диахронию английского языка, а также спецкурса по лингвистике текста. Полученные в ходе анализа данные и фактический материал могут быть использованы на семинарских занятиях, посвященных основным направлениям современной лингвистики, в ходе обучения по программе магистратуры и преподавателями практического курса английского языка на уроках аналитического чтения.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности.

Настоящее исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности ВАК10.02.04 – «Германские языки»:

- исследование особенностей использования сопоставлений на разных уровнях, выявление особенностей восприятия, употребления и особенностей использования в разных языковых общностях;
- синтаксический строй, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств английского языка;
- исторические особенности развития английских диалектов.

Апробация. Результаты исследования были представлены и обсуждены на международной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (Нижний Новгород, 2003, 2005, 2007,

2010), на секции «Текст и дискурс как объекты гуманитарных исследований» XIII Международной конференции по функциональной лингвистике «Язык и мир» (Ялта, 2006), на международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные вопросы науки и образования» (Тамбов, 2013), на заседании Круглого стола «Актуальные вопросы диахронической лингвистики» (Нижний Новгород, 2014). Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии ФГБОУ ВО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Цель и задачи исследования предопределили **структуру работы**, которая состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Во введении формулируются цель и задачи исследования, обосновывается актуальность выбранной темы, определяется объект и предмет изучения, теоретическая и практическая значимость, новизна исследования, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе представлен анализ общих аспектов выделения категорий текста в рамках различных теоретических подходов к изучению текста.

Вторая глава посвящена проблеме полипозиционности повествования в прозаическом художественном тексте, рассматриваемой на базе английского регионального романа. Изучаются различные модели «точки зрения» субъекта повествования, уточняется характер взаимодействия точек зрения различных субъектов речи и восприятия в полифоническом художественном тексте, выявляются специфические средства реализации категории партитурности в английском региональном романе.

В третьей главе проводится анализ категории партитурности художественного текста в свете теории поля, выявляется характер взаимодействия таких текстовых категорий, как темпоральность, локальность, персональность, дейксис, модальность, интертекстуальность, с категорией партитурности, устанавливаются зоны пересечения соответствующих текстовых сеток, предлагается модель текстообразующей категории партитурности, составленная на основе изучения текстов английских региональных романов.

В заключении приводятся основные результаты работы, определяются возможные перспективы дальнейшего исследования.

Библиография включает работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные общим и специальным вопросам избранной темы.

Основное содержание работы

В первой главе «Партитурность как свойство художественного текста» представлен анализ общих аспектов выделения категорий текста в рамках различных теоретических подходов к изучению текста, рассматриваются современные трактовки феномена партитурности художественного текста.

Термин «партитура» пришел в лингвистическую науку из музыки, где он означает совокупность всех партий многоголосного музыкального произведения. Распространяя принцип партитурной организации от уровня простого предложения до уровня текста, И.Р. Гальперин впервые трактует

партитурность как структурную текстовую категорию, выявляемую на основе наличия в тексте двух видов информации: содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной, образующих соответственно горизонтальный и вертикальный срезы текста [Гальперин, 1977].

В отличие от поверхностных текстовых категорий, которые базируются на синтагматике художественного текста, выражены эксплицитно и легко вычлняются, партитурность относится к так называемым глубинным текстовым категориям, базирующимся на парадигматике текста. Партитурность следует рассматривать в тесной связи с подтекстом и интенциональностью. Партитурная архитектоника художественного текста недоступна непосредственному наблюдению, ее построение зависит от дешифровки читателем содержательно-концептуальной информации во всем произведении.

Понятие партитурности, как глубинной текстообразующей категории, невозможно свести до внешних проявлений в графической организации текста. Партитурность в работе следует трактовать в широком смысле – как представление совокупности партий всех субъектов речи в полифоническом произведении. Однако графический прием, сродни оригинальной нотной записи музыкального произведения, возможно применить для наглядной репрезентации распределения и взаимодействия «голосов» субъектов речи в повествовании.

Во **второй главе** «Феномен полипозиционности повествования в английском региональном романе» изучаются различные модели «точки зрения» субъекта повествования, уточняется характер взаимоотношений точек зрения различных субъектов речи и восприятия в полифоническом художественном тексте, выявляются специфические средства реализации категории партитурности в английском региональном романе, в частности, уточнены функции диалектизмов, исследуется их полифонический потенциал.

Коммуникативная ситуация художественного текста предполагает сложную многоуровневую схему взаимодействия автора и читателя, условного субъекта речи - повествователя и вымышленных персонажей, общающихся между собой в изображаемом мире художественного произведения. Всем субъектам речи приписывается свой потенциальный голос. В художественном тексте реализуются как визуальный, так и голосовой аспекты точки зрения (ТЗ), так как голосовая партия рассказчика/персонажа как одно из проявлений субъективности неотделима от зрительного восприятия текста. Это дает основания употреблять применительно к анализу художественного текста термины «точка зрения», «партия» и «голос» как равнозначные.

Наличие в рамках одной композиционно-речевой структуры двух субъектов обуславливает особый статус несобственно-прямой речи (НПР). Полностью закрепить НПР за субъектом речи персонажем практически невозможно: повествователь всегда имплицитно присутствует в тексте, что делает возможным выявить планы взаимодействия голосов персонажа с голосом повествователя. Одновременное присутствие голоса нарратора и персонажа в композиционно-речевой структуре НПР не служит основанием для выделения «нейтрального» способа изложения, а

позволяет говорить о реализации «гибридной», смешанной ТЗ, с помощью чего достигается эффект многоголосия в художественном тексте.

В полифоническом ХТ партии различных субъектов речи находятся в количественном и качественном соотношении. Качественное соотношение голосов включает в себя: имитационные (в основном с доминирующей разнополюсной языковой ТЗ), контрастные отношения (с присущими внутреннему монологу персонажа восклицательными и междометными высказываниями) и комплементарные отношения между партиями различных субъектов речи/восприятия (с преобладанием визуального аспекта ТЗ).

1. Имитационные отношения. Включение в повествование типичной для какого-либо персонажа лексики, его излюбленных слов и выражений влечет за собой звучание голоса персонажа. Следующий фрагмент служит примером использования окказионализмов и разговорных слов для индикации имитационных отношений между партиями персонажа и повествователя. Партитурную схему фрагмента дополняют разнополюсные ТЗ в перцептивном и идеологическом планах: *As soon as the mother and daughter were comfortably installed [N₁], with a white-aproned servant and all complete [H₂], Henchard paid them a visit, and remained to tea [N₃]. During the entertainment Elizabeth was carefully hoodwinked [H₄] by the very general tone of the conversation that prevailed – a proceeding which seemed to afford some humour to Henchard [N+H₅], though his wife was not particularly happy in it [S₆] [Th. Hardy ‘The Mayor of Casterbridge’].* (Условные обозначения: N - narrator, H - Henchard, S – Susan).

Выделенная графически (пунктуационно) в речи повествователя, обособленная вторично-предикативная конструкция (H₂), выполняющая пояснительную функцию, принадлежит другому субъекту речи – Майклу Хенчарду. Обособление позволяет эксплицировать ТЗ Хенчарда и интерпретировать отрезок (H₂) как переданную посредством несобственно-прямой речи реплику персонажа, вступающего в своеобразный диалог с повествователем и поясняющего, что означает «comfortably installed» в его понимании. Стремясь сохранить реноме порядочного человека, Хенчард старался устроить свою вновь обретенную жену и дочь «как надо» (all complete), со всеми привилегиями, положенными семье мэра. Точка зрения Хенчарда в плане фразеологии актуализируется адъективной композитой *white-aproned*. Образованное по активной модели бахуврихи окказиональное сложнопроизводное прилагательное обладает значительной экспрессивностью. Языковой план персонажной ТЗ также поддерживается коллоквиализмом *hoodwink* со значением «ввести в заблуждение, одурачить».

Разнополюсная ТЗ в плане идеологии и перцепции на отрезке (N+H₅), графически выделенным тире, эксплицируется благодаря использованию сложного подлежащего *which...to afford*, прикрепленного к первичному предикату со значением кажимости. Вторичная предикация и модус кажимости позволяют репрезентировать восприятие действительности одновременно с точки зрения самого субъекта сознания (в данном примере Хенчарда) и с точки зрения стороннего наблюдателя (зд. повествователя). Противопоставление в плане оценки и восприятия ТЗ Хенчарда и его жены

в тексте актуализируется через противительно-уступительный союз *though*, который в данном контексте можно перевести с помощью разговорно-сниженного «даром что» (со значением указания на полное отсутствие влияния субъекта на ситуацию): мнение жены, по сути, мало интересовало Хенчарда.

Наличие в ХТ имитационных отношений между партиями разных субъектов речи, проявляющихся главным образом в разнополюсной языковой ТЗ, опровергает тезис Н.В. Малычевой об обособленности и взаимонепроницаемости разных субъектно-речевых планов и невозможности их сочетания в рамках одного предложения [Малычева, 2011: 199].

2. Контрастные отношения. Нижеследующий пример иллюстрирует возможность создания контрастных отношений между партиями персонажа и повествователя в рамках сложного предложения. Введение в структуру предложения несобственно-прямой речи позволяет голосу повествователя звучать одновременно с голосом Тэсс, которая сожалеет, что понравившийся ей незнакомец быстро ушел с праздника: *She had no spirit to dance again for a long time, though she might have had plenty of partners; but, ah! they did not speak so nicely as the strange young man had done* [Th. Hardy 'Tess of the D'Urbervilles', p. 25].

Следует отметить, что конструкции с НПР могут быть самостоятельными предложениями – пограничный случай между прямой и изображённой речью, но субъект речи должен при этом наличествовать или восстанавливаться из контекста: 1) *Fancy had settled her plan of emotion. To reproach Dick? O no, no* [Th. Hardy 'Under the Greenwood Tree']. 2) *He looked into Fancy's eyes. Misery of miseries! – Guilt was written there still* [‘Under the Greenwood Tree’]. Присущие внутреннему монологу восклицательные и междометные высказывания являются индикатором эмотивности, маркируя ТЗ персонажа в плане перцепции.

3. Комплементарные (взаимодополняющие) отношения между партиями разных субъектов речи в повествовании складываются тогда, когда одна тема исполняется несколькими голосами; объективное описание дополняется субъективным: *The lonely lane he was following connected one of the hamlets of Mellstock parish with Upper Mellstock and Lewgate, and to his eyes, casually glancing upward, the silver and black-stemmed birches with their characteristic tufts, the pale grey boughs of beech, the dark-creviced elm, all appeared now as black and flat outlines upon the sky, wherein the white stars twinkled so vehemently that their flickering seemed like the flapping of wings. Within the woody pass, at a level anything lower than the horizon, all was dark as the grave. The copse-wood forming the sides of the bower interlaced its branches so densely, even at this season of the year, that the draught from the north-east flew along the channel with scarcely an interruption from lateral breezes* [‘Under the Greenwood Tree’]. В этом фрагменте субъект речи – рассказчик, тогда как субъектом восприятия выступает персонаж. Личное местоимение *he* и притяжательное *his* (to his eyes), анафорически соотносящиеся с существительным *man* (*a man was passing up a lane towards Mellstock Cross*), служат средством дистантной когезии с предыдущим абзацем и указывают на субъект восприятия в этом фрагменте, чья ТЗ в плане перцепции эксплицируется посредством

причастия от глагола зрительного восприятия (glancing), глаголов кажимости (appeared, seemed), личной и неличной форм глаголов, а также отглагольного имени со значением движения и быстрой смены действия (twinkled, flickering, the flapping). Особую яркость восприятия наблюдателя-персонажа передают прилагательные цветообозначения (silver, black-stemmed, pale grey, black, white), окказиональное сложнопроизводное прилагательное dark-creviced со значением «покрытый мелкими темными трещинами», сравнение dark as the grave.

Временной план ТЗ представлен перцептивным настоящим временем персонажа, что находит свое языковое выражение в форме продолженного прошедшего (was following) и наречии времени now.

Схему распределения ТЗ в абзаце можно представить следующим образом:

Планы проявления ТЗ	Нарраториальная ТЗ	Персональная ТЗ
Идеология	X	
Язык	X	
Перцепция		X
Пространство		X
Время		X

Полученные данные позволяют сделать вывод, что большинство случаев комплементарных отношений между партиями персонажей и повествователя зафиксировано в плане пространственно-временной перспективы и перцепции. Иными словами, комплементарные отношения между партиями разных субъектов речи наблюдаются при визуализации ТЗ.

Передающей инстанцией на протяжении ХТ остается повествователь, перемежающий прямую речь персонажей своими ремарками и транслирующий ее с разной степенью полноты и достоверности, что препятствует признанию наличия нулевой точки зрения в повествовательном ХТ. В случае реализации однополюсной ТЗ следует считать рассматриваемый фрагмент ХТ условно монофоническим, то есть стремящимся к одномоментной реализации только одной точки зрения. Партитурность как структурная текстообразующая категория, участвующая в построении вертикальной проекции художественного текста, опирается на оппозицию «монофония vs полифония».

Рассмотрим фрагмент, демонстрирующий совмещение в плане психологии партии повествователя с партией персонажа, что порождает субъективную оценку ситуации: Тэсс чувствует себя неуютно в родном доме. В плане фразеологии автор использует «чужие» слова, помещая их в кавычки, тем самым озвучивает партию родителей Тэсс, которые хотели, чтобы она познакомилась с богатыми родственниками: *But it became evident to her that she could never be really comfortable again in a place which had seen the collapse of her family's attempt 'to claim kin' – and, through her, ever closer union with the rich d'Urbervilles* [‘Tess of the D'Urbervilles’, p. 112]. Таким образом, во фрагменте в разных планах реализованы три точки зрения (ТЗ повествователя – Тэсс – ее родителей), синтаксически неразделимых в одном предложении. Графически обозначена только одна из точек зрения. В представленном выше

фрагменте были выявлены две бинарные оппозиции разнополюсных точек зрения: N_p vs $P1_p$ и N_{ph} vs $P2_{ph}$ (где N – повествователь, $P1$ – персонаж 1 (Тэсс), $P2$ – родители Тэсс, индексы: p – perception, ph – phraseology). Таким образом, наряду с качественным соотношением голосов в полифоническом ХТ, можно рассмотреть их количественное соотношение. Максимальное число голосов, субъектно-речевых планов в полифоническом ХТ ограничено лишь волей автора, а их выявление в тексте зависит от компетентности воспринимающего сознания читателя (интерпретатора), что возможно изобразить, прибегая к математическим символам: $\Pi \rightarrow \infty$, где Π – полифония художественного текста.

Анализ фактического материала показывает, что в региональном романе, наиболее маркированном в отношении языковой специфики персонажной партии, доминирующей является этнографическая функция диалектизмов. В то же время, эксплицируя языковой план ТЗ персонажа при вкраплении в речь повествователя, диалектизмы расширяют влияние зоны персонажа на окружающий повествовательный контекст.

В следующем фрагменте романа А. Беннета «Клейхенгер» диалектное rinkers – местное название пестрых шариков для одноименной детской игры, не только вводит партию Эдвина в повествование, но и задает тему эпизода: *"Here, [E₁]" he said [N₂]. "And you may as well have these, too, [E₃] adding five more to the ten [N₄], all he possessed [E₅]. They were not the paltry marble of to-day, plaything of infants [N₆], but the majestic "rinker", black with white spots, the king of marbles [E+N₇] in an era when whole populations practised the game [N₈]. Edwin looked at them half regretfully as they lay in the Sunday's hands. They seemed prodigious wealth in those hands [E₉], and he felt somewhat as a condemned man might feel who bequeaths his jewels on the scaffold [E+N₁₀]. Then there was a rattle, and a tumour grew out larger on the Sunday's thigh [N+E₁₁] [A. Bennett 'Clayhanger']*. Распределение в данном коммуникативно-функциональном эпизоде точек зрения по субъектам речи/сознания отражается в следующем графике, где N – narrator, E – Edwin:

N		×		×		×	×	×		×	×
E	×		×		×		×		×	×	×

Ремарка повествователя (N_4) вступает в комплементарные отношения с перцептивной ТЗ персонажа, выраженной в пояснительной структуре (E_5). Этот конституент периода (E_5) можно рассматривать как внутреннюю речь персонажа, несущую в себе иллокутивный потенциал сожаления. Эдвину было жаль расставаться с последним «сокровищем» (prodigious wealth), которое проспорил другу (E_9). Перцептивный план персонажа на протяжении всего эпизода также актуализуется посредством глаголов чувственного восприятия и ментальной деятельности (looked, felt, seemed) и звукоподражательным существительным rattle (E_{11}). Маркированное в отношении субъективной модальности неуверенного предположения сказуемое might feel передает ТЗ рассказчика в плане идеологии и фразеологии: рассказчик сравнивает Эдвина с обреченным на смерть, кладущим свои богатства у эшафота ($E+N_{10}$). Такое гротескное сравнение в отношении бытовой сцены детского спора выявляет авторскую ироничную позицию. Находясь вне изображаемого мира,

экзегетический повествователь может перемещаться по оси времени (*today – in an era when whole populations practised the game*) и давать ретроспективную оценку описываемых событий: *the paltry marble* (N₆) – *the majestic "rinker"* (E+N₇). На отрезке (E+N₇) ТЗ повествователя и Эдвина совпадают в плане идеологии и вступают в имитационные отношения в плане фразеологии благодаря использованию диалектизма *rinker* для имитации голоса персонажа. Несколько ниже в тексте диалектное существительное *rinkers* оказывается интегрированным в речь повествователя и используется уже без кавычек: *A little farther on the open gates of a manufactory disclosed six men playing the noble game of rinkers on a smooth patch of ground near the weighing machine* ['Clayhanger'].

Способствуя установлению семантической соотнесённости между разными типами композиционного членения текста, диалектизмы в английском региональном романе выполняют также композиционную функцию и служат средством выражения целостности ХТ.

В персонажных зонах, которые М.М. Бахтин определяет как «район действия голоса героя» [Бахтин, 1975: 130], авторы используют все возможные формы передачи чужой речи, которые образуют различные гибридные конструкции, тесно спаянные семантически и синтаксически. Тему следующего примера задает диалектное *a-wakesing*. Причастие I в стаффордском диалекте может иметь префиксальный элемент *a-*, который является ослабленным предлогом *on*. Структура '*on+отглагольное существительное*' известна начиная с 15-го века. Конструкция с префиксом *a-* после глагола-связки и глаголов движения и состояния встречается в языке более позднего времени. Однако для литературного языка она не характерна. Форма *a-wakesing* со значением «отдыхать, праздновать» восходит к диалектному существительному *wakes* «храмовый праздник» (OEn. *nihtwacu*, *-waecce f* "night-watch", "vigil" [Sweet, 1897: 125]). Семантическое развитие, своего рода секуляризация, значения (*wake(s)* «всенощное бдение как часть религиозного обряда» → *wakes week* «праздники, каникулы»), обусловлено экстралингвистическими факторами. В каждой местности были установлены выходные на период престольных праздников. Со временем религиозные торжества стали сопровождаться широкими народными гуляньями, особенно в северных и центральных графствах. Отличительной чертой регионального романа является детальное воспроизведение не только манеры речи, но и образа жизни персонажей-жителей определенной местности. Персонаж романа А. Беннета мистер Шушионс, житель центрального графства Стаффордшир, выступал против отъезда прихожан на долгие каникулы: *He had already been upset by news of a movement that was on foot for deferring Anniversary Sermons from August to September, so that people should be more free to go away for a holiday, and collections be more fruitful* [N+E]. ***What! Put off God's ordinance, to enable chapel-members to go a-wakesing! Monstrous!*** [Sh] *Yet September was tried, in spite of Mr Shushions, and when even September would not work satisfactorily* [N], *God's ordinance was shifted boldly to May, in order to catch people, and their pockets well before the demoralisation incident to holidays* [N+Sh] ['Clayhanger']. (N – narrator, E – Edwin, Sh – Mr Shushions).

При линейном анализе текста первое предложение можно было бы трактовать как партию повествователя, вводящего тему беседы персонажей: перенос религиозного праздника обсуждают мистер Шушионс и Дариус Клейхенгер. Однако учет вертикального контекста помогает восстановить еще одного участника коммуникации – имплицитным слушателем выступает Эдвин, который впервые увидел этого загадочного старика (*“the mysterious old man”*) и с интересом наблюдал за ним: <...> *Edwin overheard that they were discussing a topic that had lately been rife in religious circles.* Это дает основание говорить о наличии текстовой интерференции в первом предложении, а именно о наложении перцептивной точки зрения персонажа, Эдвина, на партию повествователя. Далее, на представленном жирным шрифтом отрезке, персонаж вытесняет повествователя. Выделенный отрезок не вводится ремаркой повествователя, в нем отсутствуют формальные дейктические элементы, указывающие на время и место действия относительно участников коммуникативной ситуации. Восклицательные предложения, выбивающиеся из общей повествовательной тональности, служат средством выражения субъективной экспрессивности и максимально приближают выделенное высказывание к прямой речи персонажей.

Однако отсутствие обрамляющих повествовательских ремарок и графического (пунктуационного) обозначения прямой речи (кавычек, тире) дает возможность идентифицировать фрагмент как НПР. Восклицания не только выражают эмоции говорящего, но и способствуют установлению контакта с адресатом (слушающим). Тест М. Тулана позволяет определить субъекта НПР. Из трех возможных коммуникантов-персонажей – мистера Шушионса и Дариуса Клейхенгера, непосредственно обсуждавших новости прихода, а также Эдвина Клейхенгера, подслушивавшего их разговор, подобное категоричное неприятие нововведений мог выразить только мистер Шушионс, обращаясь к своему собеседнику, Дариусу Клейхенгеру. Будучи нормативной, с точки зрения экспрессивного синтаксиса, реплика (Sh) по своей структуре может быть представлена как сочетание парцелляции с эллипсисом. В таком случае имеет место правая дислокация, когда значимый элемент – в данном случае смысловая часть составного именного сказуемого – выносится за границы предложения [Fludernik, 2005: 239], и опускается глагол-связка: **To put off God's ordinance in order to enable chapel-members to go ‘a-wakesing’ **is** monstrous!* Данная конструкция выполняет характерологическую и эмоционально-выделительную функции. Суть характерологической функции заключается в воспроизведении речевой манеры персонажа при создании контекстов НПР и характеристики состояния субъекта этой речи. Эмоционально-выразительная функция парцелляции заключается в усилении эмоциональности высказывания [Сковородников, 1980: 87-88]. Таким образом, эмоционально заряженная НПР с иллокутивной функцией осуждения эксплицирует ТЗ мистера Шушионса в плане перцепции и идеологии. Употребление диалектизма *to go a-wakesing* с целью имитации «подлинного» голоса персонажа в контексте несобственно-прямой речи реализует ТЗ персонажа в плане фразеологии. Противительный союз *yet* вводит партию повествователя, на фоне которой звучит голос мистера Шушионса – его точка зрения в плане идеологии реализована посредством

обстоятельства образа действия, выраженного наречием с семой отрицательной оценки *boldly*, и существительным *demoralization* в атрибутивной функции. Подчеркнутая категоричность идеологической позиции персонажа выдает ироничное отношение автора к ретрограду Шушионсу, о чем также свидетельствует противопоставление интенций персонажей. Дариус Клейхенгер почтительно и сочувственно соглашался (*deferentially and feelingly agreed*) со своим старшим наставником, но даже его сыну было известно его равнодушие к вопросам религии: *the amused and non-committal impartiality of a man who only went to chapel when he specially felt like going* ['Clayhanger'].

Кавычки, наряду с графонами, капитализацией и курсивом, относятся к графическим маркерам персонажной субъективности. Графоны служат для передачи особенностей ненормативного произношения персонажей, носителей социолектов и территориальных диалектов, что особенно актуально для региональных текстов. Диалектные элементы в речи повествователя можно разделить на две основные подгруппы. К первой относятся наименования профессий, рода занятий местных жителей и связанные с ними профессионализмы: *Through the open doorway of a small inner room on the right hand, of a character between pantry and cellar, was Dick Dewy's father Reuben, by vocation a "tranter", or irregular carrier* ['Under the Greenwood Tree']. Созданное как неологизм диалектное существительное *tranter* со значением «возчик» осуществляет трансляцию языкового плана ТЗ жителей Мэллстока в речь повествователя. В большинстве случаев диалектные названия профессий, фигурирующие в тексте впервые, вводятся в кавычках как чужеродные и сопровождаются комментариями по поводу их значения, затем ассимилируются повествователем и повторно используются без кавычек и пояснений.

Ко второй подгруппе можно отнести диалектные лексические единицы, принадлежащие к обиходно-бытовой сфере: *<...> a couple more men had elevated themselves on a chest of drawers; another rested on the oak-carved 'cwoffer', two on the wash-stand, another on the stool <...>* ['Tess of the D'Urbervilles', p. 32]. Описывая интерьер местной пивной глазами постороннего наблюдателя, автор пользуется кавычками для выделения диалектного *cwoffer*. Подражая произношению местных жителей, повествователь вставляет в нейтральное описание диалектное слово, соответствующее литературному *coffer*. Данный диалектизм отражает свойственное английским юго-западным диалектам употребление полугласного [w] в позиции после смычного согласного перед гласным заднего ряда [Trudgill, 1990: 43]. В анализируемом случае, таким образом, на фоне партии повествователя в плане языковом и перцептивном проявляется партия персонажа – Тэсс.

Выполняя этнографическую функцию, диалектизмы в то же время маркируют субъектно-речевой план персонажа. В обоих примерах партия повествователя вступает в имитационные отношения с партией персонажа. Точка зрения Тэсс проявляется в языковом и перцептивном планах. Таким образом, диалектные элементы, относящиеся к обиходно-бытовой сфере, участвуют в создании полифонии, то есть служат средством выражения текстовой категории партитуристности.

Очевидно, зона героя не ограничена только диалектальными вкраплениями. Вышерассмотренные фрагменты, трактуемые как манифестации имитационных отношений с использованием преферабельной персонажной лексики (в основном коллоквиализмов), выбивающейся из стилистически нейтрального повествовательного контекста, в то же время могут служить примерами экспансии подобной персонажной зоны. Интеграция слова текстом как сложным структурно-семантическим единством объясняет также использование в художественном произведении слова в различных не прямых функциях. Оказывая иррадирующий эффект на значительном участке художественного текста, диалектизмы участвуют в экспликации точки зрения персонажа (создании эффекта полифонии) и служат специфическим средством выражения категории локальности.

В **третьей главе** «Системное представление текстообразующей категории партитурности на базе английского регионального романа» анализ категории партитурности ХТ проводится в свете теории поля.

Полевой подход является весьма перспективным при разработке модели текстовой категории партитурности. Анализ фактического материала показывает, что при выражении категории партитурности взаимодействуют языковые единицы разных уровней, которые одновременно участвуют в реализации значений других текстовых категорий (темпоральности, локальности, персональности, дейксиса, модальности, интертекстуальности). Следовательно, при проведении изысканий в русле системного подхода к изучению языковых явлений, представляется наиболее продуктивным вести изучение глубинных категорий текста и их взаимодействия, опираясь не на оппозитивные отношения, а на принцип включенности. При этом каждая категория, будучи вполне самостоятельным явлением, в то же время входит в другую, родственную ей по характеру, но более крупную глубинную категорию и составляет единое целое с другими явлениями в рамках всего текста. Таким образом, текстовые категории не могут быть представлены линейно соположенными и, как лингвистические явления высшего уровня абстракции, своего рода, надкатегории, предполагают иерархические отношения. Понятие текстовой сетки (термин Л.А. Ноздриной), как репрезентации языковой реализации текстовых категорий в отдельно взятом тексте [Ноздрина, 2004: 51], является релевантным для представления взаимодействия (пересечения, взаимоналожения, включения) различных текстовых категорий.

В реферируемой работе рассмотрены особенности реализации функционально-семантических полей (ФСП) темпоральности, локальности, персональности, дейксиса, модальности и интертекстуальности в полифоническом тексте. При этом не ставится цель досконально изучить структуру каждого из рассмотренных ФСП – отбор материала всецело проводится с ориентацией на отслеживание точек соприкосновения (то есть в отношении планов взаимодействия) указанных категорий с категорией партитурности. Средствами выражения текстовых категорий могут служить языковые единицы разного уровня и их комбинации в различных стилистических приемах. В силу своей полифункциональности языковые средства способны участвовать

одновременно в выражении различных категорий текста. Вследствие чего представляется оправданным не группировать языковые единицы, участвующие в реализации партитурности, по языковым уровням, а рассматривать все средства комплексно, в их манифестации на значительном фрагменте ХТ.

Особенностью ХТ является несовпадение субъекта речи, говорящего, и автора. Указывая на участников речевого акта, личные местоимения выступают одновременно основой построения высказываний. В романах Т. Гарди повествование ведется от третьего лица, всезнающим рассказчиком, не вовлеченным в описываемые события, но отдельные фрагменты «доверены» самим персонажам. Выбор формы речи от первого лица позволяет автору дополнительно охарактеризовать героя-рассказчика, передать его непосредственный взгляд и оценку описываемых событий. Так, например, Рейбен Дьюи описывает визит участников церковного хора к священнику, перед которым робели и у которого хотели попросить отсрочку роспуска хора: *"That's true; and you see," continued Reuben, "at the very beginning it put me in a stud as to how to quarrel wi' en. In short, to save my soul, I couldn't quarrel wi' such a civil man without belying my conscience. Says he to father there, in a voice as quiet as a lamb's, 'William, you are a' old aged man, as all shall be, so sit down in my easy-chair, and rest yourself' And down father zot. I could fain ha' laughed at thee, father; for thou'st take it so unconcerned at first, and then looked so frightened when the chair-bottom sunk in"* ['Under the Greenwood Tree']. Прямая речь возчика маркирована в плане использования архаизмов и диалектизмов: *fain* – диалектное наречие в значении «охотно, с готовностью», местная разговорная идиома «it put me in a stud» означает «опешил», «остолбенел». Элементы дорсетского диалекта участвуют, в том числе и в выражении категории персональности: архаичные формы местоимения второго лица единственного числа *thou*, *thee* наряду с общеупотребительной *you*; личная форма глагола второго лица единственного числа *hast*, стяженная как *'st* (*thou'st take*), редуцированная форма винительного падежа мужского рода древнеанглийского местоимения третьего лица *hine* > *'en* (*wi'en* = with him). Примечательно, что в обращении к отцу Дьюи употребляет местоимение второго лица *thou* и соответствующую форму объектного падежа *thee*, а в общении с женой и с поющими вместе с ним на клиросе односельчанами отдает предпочтение форме *you*.

Главная особенность высказываний от второго лица – несовпадение фактического производителя речи и ее субъекта. В смысловом отношении подобное высказывание двупланово: оно строится от второго лица, но одновременно подразумевается первое лицо: *Growing up brought responsibilities, he found. Events did not rhyme quite as he had thought. Nature's logic was too horrid for him to care for. That mercy towards one set of creatures was cruelty towards another sickened his sense of harmony. As you got older, and felt yourself to be at the centre of your time, and not at a point in its circumference, as you had felt when you were little, you were seized with a sort of shuddering, he perceived. All around you there seemed to be something glaring, garish, rattling, and the noises and glares hit upon the little cell called your life, and shook it, and warped it.*

If he could only prevent himself growing up! [Th. Hardy 'Jude the Obscure', p. 11] Рассуждения юного Джуда Фаули о трудностях взросления переданы НПР, при этом ссылка на субъекта речи дана в авторских ремарках (he found; as he had thought, he perceived), личное местоимение he является субститутутом имени персонажа Jude, а глаголы мыслительной деятельности указывают на тип речи – внутренний монолог. Традиционным для НПР является передача слов и мыслей персонажей от третьего лица. Употребление местоимения второго лица you совмещает нарраториальную и персонажную ТЗ в плане психологии и создают, согласно терминологии О.И. Валентиновой, некий «архисубъект» высказывания [Валентинова, 2005: 30]. В то же время такой прием приближает изображаемое к читателю, делая описываемое более ярким и наглядным. Градация прилагательных glaring, garish, rattling, передающих значение «ослепительный, бросающийся в глаза», в составе логического подлежащего отражает волнение персонажа и семантически соотносится с существительным halo (a halo or glow-fog over-arching the place), с тем заревом, которое Джуд видел в лучах заходящего солнца вокруг города своей мечты. Следующая затем градация сказуемых hit, shook, warped передает опасения Джуда, что соблазны взрослой жизни могут потрясти его привычный мир (the little cell called your life). Рамочная конструкция, представленная герундиальной формой фразового глагола (growing up), задает тему и обозначает завершение отступления. Маркированное в отношении субъективной модальности последнее предложение резюмирует рассуждения персонажа и при помощи субьюнктива выражает его несбыточное желание: Джуд не хотел бы становиться взрослым, он был к этому еще не готов.

Лексема halo со значением «заревое, сияние» встречается в романе семь раз. Лексические повторы играют важную роль в расшифровке концептуальной информации, заложенной в тексте: *Jude, throwing a last adoring look at the distant halo, turned and walked beside his remarkably well-informed friend, who had no objection to telling him as they moved on more yet of the city – its towers and halls and churches* ['Jude the Obscure']. Первый раз halo употребляется в буквальном «географическом» смысле как «свечение лучей заходящего солнца у линии горизонта». Далее halo получает семантическое развитие: лучи солнца отражаются в окнах города, куда Джуд так стремится попасть, - в ясную погоду весь город сияет: *Jude continued his walk homeward alone, pondering so deeply that he forgot to feel timid. He suddenly grew older. It had been the yearning of his heart to find something to anchor on, to cling to – for some place which he could call admirable. Should he find that place in this city if he could get there? Would it be a spot in which, without fear of farmers, or hindrance, or ridicule, he could watch and wait, and set himself to some mighty undertaking like the men of old of whom he had heard? As the halo had been to his eyes when gazing at it a quarter of an hour earlier, so was the spot mentally to him as he pursued his dark way.*

"It is a city of light," he said to himself ['Jude the Obscure']. Смена композиционно-речевых форм в приведенном абзаце: речь повествователя – внутренний монолог персонажа – прямая речь - служит сигналом перехода из ментального времени (обозначенного причастием от глагола

мыслительной деятельности *pondering* и наречием *mentally*) в реальное перцептивное время персонажа. На протяжении фрагмента эксплицируются перцептивный, пространственный и временной план персонажной ТЗ. На фоне речи повествователя внутренний монолог Джуда маркирован также графически и синтаксически – автокоммуникация героя передается вопросительными предложениями. «Это город света», - резюмирует Джуд свои размышления. Эффект свечения, манящего зарева большого города мечты также подкрепляется в тексте лексемами со значением «испускать свет, искриться»: *points of light like the topaz gleamed; shining spots mirage*. Далее свечение вожделенного города в час вечерней зари, ставшее для него символом мечты о другой жизни, о хорошем образовании, приобретает значение «просвещения, света знаний» и метонимически распространяется на одного из жителей этого города – Мистера Филлостона, школьного учителя Джуда, которого молодой человек очень уважал и которому стремился подражать.

Градация кореферентных имен в нижеприводимом отрывке отражает смену жизненных приоритетов молодого человека: *<...> and Jude, the incipient scholar, prospective D.D., professor, bishop, or what not, felt himself honoured and glorified by the condescension of this handsome country wench in agreeing to take a walk with him in her Sunday frock and ribbons* ['Jude the Obscure']. Отрывок представляет собой пример совмещения ТЗ повествователя и персонажа в перцептивном и языковом плане. Для партитурного прочтения этого отрывка следует обратиться к категории информативности, а именно видам информации, заложенным в тексте. Содержательно-фактуальная информация эксплицитна и представляет читателю сведения о намерениях самого Джуда сделать карьеру священника и его мнение о молоденькой селянке. Указательное местоимение ближнего дейксиса *this* в определенной именной группе *this handsome country wench* актуализирует ТЗ молодого человека в плане оценки и языка. Содержательно-подтекстовая информация имплицитна, извлекается из фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, что способствует партитурному прочтению фрагмента:

wench

- 1) dial. peasant girl, young country woman
- 2) a woman of loose morals

1) Диалектное *wench* со значением «молодая крестьянка, селянка», анафорически соотносимое с *Arabella*, актуализирует языковой план ТЗ персонажа – Джуда, носителя местного диалекта.

2) В то же время эта номинация не выделена графически кавычками, что давало бы возможность однозначно трактовать ее как цитатное вкрапление речи персонажа в речь повествователя. Это позволяет говорить о текстовой интерференции – наложении языковых планов ТЗ рассказчика и персонажа. В плане повествователя существительное *wench* реализуется в значении «распутная, легкомысленная девица». Намеренное употребление в партии повествователя данной номинации (вместо, например, синонимичного *lassie*, не содержащего дерогативную сему) способствует реализации категории ретроспекции/проспекции - в отличие от Джуда, всезнающий рассказчик имеет представление о работе Арабеллы в баре (что Джуду еще предстоит узнать) и о ее планах в

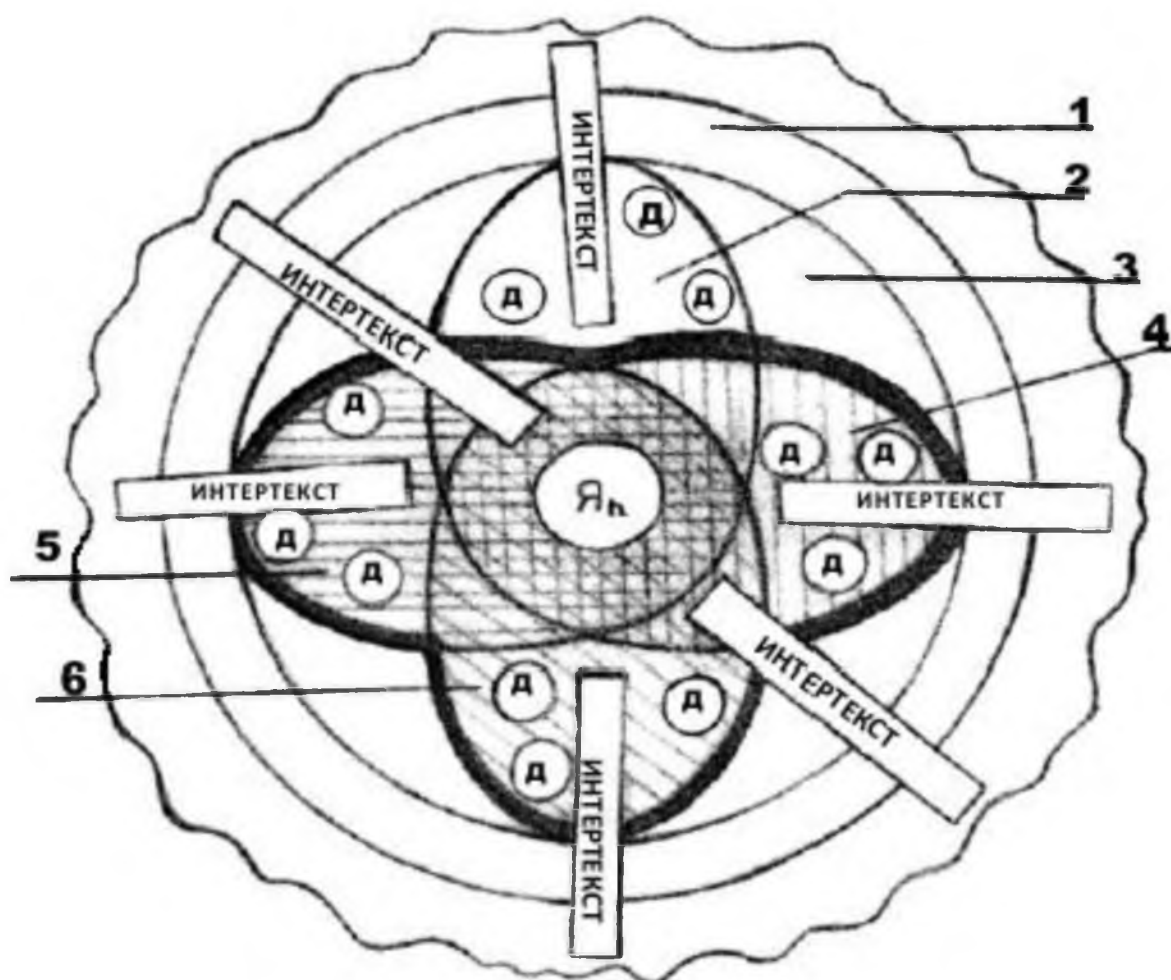
Наивный, ничего не подозревающий Джуд все еще видел себя доктором богословия, в то время как рассказчик знал, что судьба молодого человека распорядится по-другому и его планы изменятся под влиянием обстоятельств.

Заголовок романа «Far from the Madding Crowd» заимствован из произведения Томаса Грея «Элегия, написанная на сельском кладбище»):

They kept the noiseless Tenor of their Way [Gray 'Elegy Written in a Country Churchyard']. В элегии Т. Грея размышления романтического героя о бренности всего земного сочетаются с прославлением крестьянского труда и патриархально-идиллической жизни крестьян. В заголовке романа Т. Гарди эти строки приобретают иронию и символизм: место действия – сельская местность, но пасторальные картинки далеки от безмятежности. Обитатели «долины жизни сей» отнюдь не лишены страстей человеческих и не могут укрыться «от мирских погибельных смятений» (в переводе В.А. Жуковского). Символическая «долина жизни» Т. Грея буквально «материализуется» в долину Блэкмор (Blackmore Vale) – место действия романа. Blackmore/Blackmoor Vale фигурирует и в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», где этот топоним получает новое семантическое развитие: *The bird's eye perspective before her was not so luxuriantly beautiful, perhaps, as that other one which she knew so well <...> The river itself, which nourished the grass and cows of these renowned dairies, flowed not like the streams in Blackmoor. <...> The Froom waters were clear as the pure River of Life shown to the Evangelist...* ['Tess of the D'Urbervilles', p. 166]. Тэсс неосознанно сравнивает реку около дома с рекой, которую она видит на новом месте. Для нее уход из дома означает начало новой жизни, поэтому не случаен переход от описания реки как географического объекта, части пейзажа, к представлению ее в качестве точки отсчета времени в новой жизни и метафорическому обозначению реки жизни, символизирующей течение времени: the streams in Blackmoor → the Froom waters → the pure River of Life. Таким образом, лексические единицы со значением

ориентации в пространстве в определенном контексте могут функционировать как показатели темпоральности и маркеры временной позиции повествователя.

Выявленный в ходе исследования языкового материала характер взаимодействия таких текстовых категорий, как темпоральность, локальность, персональность, дейксис, модальность, интертекстуальность, с категорией партитурности и установленные зоны пересечения соответствующих текстовых сеток позволили построить модель категории партитурности англоязычного художественного текста, которая фактически представляет собой целостную модель глубинных категорий всего полифонического художественного текста.

Условные обозначения на диаграмме:

1 – партитурность,

4 – дейксис,

2 – темпоральность,

5 – персональность,

3 – модальность,

6 – локальность,

Д – диалектальные вкрапления, характерные для регионального ХТ, представляющие собой единицы разных языковых уровней,

Ян - центральная область наложения текстовых сеток различных ФСП, своеобразная вертикальная ось ХТ, представляющая собой совокупность всех проявлений разных «я»-субъектов повествования. Интертекстуальные связи являются своего рода смысловыми скрепами, выходящими за

формальные границы художественного текста и соединяющими его в общекультурном пространстве с другими текстами.

В **заключении** обобщаются результаты работы. Конкретный фактологический материал подтверждает тесную связь партитурности с категорией цельности текста и ее участие в текстообразовании. В случае обследованных региональных романов диалектизм (в частности, используемая персонажем архаическая грамматическая форма), восходящий к более удаленной во времени эпохе, служит маркером речи представителя старшего поколения и создает своего рода контраст с персонажными партиями молодых носителей диалекта. Подобные языковые явления могут явиться объектом дальнейшего изучения в рамках лингвистики текста и лингвоперсонологии.

Характерные для полифонического текста множественность точек зрения и диалог автора и читателя приобретают особую значимость в связи с активным освоением современными авторами виртуального пространства и развитием так называемой сетературы, допускающей возможность сотворчества читателя с автором, что позволяет сделать вывод об универсальном характере категории партитурности. На этом основании перспективной представляется дальнейшая разработка проблем, сопряженных с категорией партитурности, на материале современных англоязычных нехудожественных текстов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Савина А.А. О неконвенциональных способах выражения художественного времени и пространства (на материале английского регионального романа) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Научный журнал № 17 (155). Челябинск, 2009. - С.71-74 (0,5 п. л.).

2. Савина А.А. Модальность полифонического текста: генеративно-функциональный аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 24. – Нижний Новгород, 2013. - С. 61-72 (0,7 п. л.).

3. Савина А.А. Диалектизмы как фактор структурно-семантической консолидации полифонического художественного текста // Мир науки, культуры, образования. – 2014. - № 2 (45). - С. 259-263 (0,7 п. л.).

4. Савина А.А. Диалектизмы как фактор коллоквиальности в произведениях художественной литературы (на материале «Уэссекских романов» Т. Гарди) // Сборник научных трудов аспирантов НГЛУ. Вып. 5, часть 1. Нижний Новгород, 2003. - С. 3-10 (0,5 п. л.).

5. Савина А.А. Региональные проявления английского глагольного аналитизма в свете синхронии и диахронии // Сборник «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Вып. 23. Нижний Новгород, 2004. -С. 133-138 (0,38 п. л.).

6. Савина А.А. К вопросу о партитурной организации речевого произведения // Сборник научных трудов аспирантов НГЛУ. Вып. VI. - Нижний Новгород, 2005. - С. 38-41 (0,22 п. л.).

7. Савина А.А. Средства выражения категории партитурности в художественном произведении // Сборник материалов международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации». – Нижний Новгород, 2005. - С. 312-313 (0,13 п. л.).

8. Савина А.А. К вопросу о взаимоотношении глубинных категорий текста // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке: динамика развития в евразийском пространстве». Том 2 - Павлодар, 2006. - С. 281-284 (0,44 п. л.).

9. Савина А.А. О статусе партитурности в системе категорий художественного текста // Научный журнал «Культура народов Причерноморья» № 82, т. 2. - Симферополь, 2006. - С. 126-129 (0,21 п. л.).

10. Савина А.А. О различных типах отношений между партиями персонажей в полифоническом тексте // Сборник материалов международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации». – Нижний Новгород, 2007. - С. 253-255 (0,15 п. л.).

11. Савина А.А. Точка зрения и способы членения художественного текста // Сборник материалов международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации». Часть II. - Нижний Новгород, 2010. - С. 99-103 (0,25 п. л.).

12. Савина А.А. Интертекстуальность и партитурность как текстообразующие категории поликодового художественного текста // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные вопросы науки и образования» 31 августа 2013 г.: в 5 частях. Часть 2. - Тамбов, 2013. - С. 117-124 (0,47 п. л.).

13. Савина А.А. О соотношении персональной и референтной текстовых сеток в полифоническом художественном тексте // Научный альманах. Тамбов, 2015. - № 8 (10). [Электронная публикация] URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.08.1672.pdf> (0,48 п. л.)